

М. Ю. Кравцов, А. В. Соловьева

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Волгоградский государственный технический университет

В статье анализируются теоретические исследования проблемы социального контроля крупнейших представителей зарубежной социологии, а также общенаучные теоретико-методологические концепции, которые могут быть использованы для создания методики управления социальными процессами в современном российском обществе.

Ключевые слова: девиация, флуктуация, инновация, социальный контроль, ритуальные модели, вторичные институциональные модели.

M. Y. Kravtsov, A. V. Solovieva

SOME ACTUAL PROBLEMS IN THE THEORY OF SOCIAL CONTROL

The Volgograd state technical university

Abstract. The article is devoted to problem of social control. Authors analyze conceptions of the important representatives of foreign sociology. Their ideas should be used for creation some methods of management of social processes in modern Russian society.

Keywords: deviation, fluctuation, innovation, social control, ritual models, secondary institutional models.

Широкое распространение различных форм девиантного поведения, захватившее российское общество в последние десятилетия, определило злободневность проблемы социального контроля. Данная ситуация обуславливает интерес к теоретическим исследованиям зарубеж-

ных ученых, ставших результатом осмысления современных им социальных процессов. Изучение этих работ может позволить выделить некие универсальные теоретико-методологические принципы регулирования девиации, которые могут быть использованы в нашей стране.

Одним из первых к проблемам девиации и социального контроля обращается Э. Дюркгейм. В своих работах он высказал целый ряд идей, которые сохранили свою актуальность и были развиты в трудах известных социологов XX века. Во-первых, он объявляет преступность объективно неизбежным и поэтому нормальным социальным явлением. «Нет никакого другого феномена, – отмечает социолог, – который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива» [1, с. 39]. Однако для того, чтобы считаться нормой социальной жизни, преступность не должна превышать допустимого уровня. Во-вторых, преступность необходима и функциональна, поскольку открывает предпосылки для социальных инноваций. «Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, – рассуждает Э. Дюркгейм, – но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения» [1, с. 43]. Данная мысль важна, поскольку демонстрирует диалектический подход к девиации, обладающей не только дисфункциональными, но и потенциально функциональными свойствами.

Каким образом можно сохранить функциональный характер различных форм девиации? Э. Дюркгейм не использует термин «социальный контроль», но обращается к проблемам регулирующей деятельности социальных структур. В одном из наиболее известных своих трудов он излагает основные принципы этой деятельности: «...Организованные общества не-возможны без развитой системы правил, определяющих наперед функционирование каждого органа. По мере разделения труда устанавливается масса прогрессивных систем нравственности и права. Но эта регламентация не уменьшает сферы действия индивида» [2, с. 242]. Приведенная цитата содержит идею ограниченного характера социального контроля, который не претендует на полное искоренение девиантного поведения, но держит его в определенных допустимых границах, необходимых для прогрессивных общественных трансформаций. Однако практика показывает, что качественные структурные преобразования происходят именно благодаря глубоким социально-экономическим и политическим кризисам, когда система социального контроля и другие регулирующие структуры не в состоянии справиться с массовыми девиантны-

ми тенденциями и они разрушают неэффективный социальный порядок.

Работы Э. Дюркгейма получили широкую известность не только в Европе, но и в США. Важное место среди социологических теорий социального контроля занимают разработки Т. Парсонса. Американский социолог характеризует теорию социального контроля как составную часть теории возникновения тенденции к девиантному поведению. Это означает, что теория социального контроля должна включать в себя анализ социальных процессов, которые должны противодействовать девиантным тенденциям и условиям их развития.

Развивая мысль о противодействии девиантным тенденциям, Т. Парсонс справедливо утверждает, что механизмы социального контроля не могут полностью ликвидировать факторы, которые порождают девиантное поведение. Эти факторы чрезвычайно живучи, их невозможно устранить из мотивационной системы акторов. Поэтому возможно только ограничение «последствий их действия и предотвращение распространения этих последствий за пределы отведенных им рамок» [4, с. 417]. Девиация неизбежна, но должна существовать в определенных границах.

Каковы механизмы социального контроля, минимизирующие последствия девиантного поведения? Т. Парсонс называет два основных. Первый – это ритуальные модели. Они необходимы для того, чтобы символически снимать эмоциональное напряжение, связанное со стрессовой ситуацией. Так происходит на похоронах, где ритуал позволяет чрезмерное проявление эмоций. Второй – это вторичные институциональные модели. «Они тесно связаны, – объясняет Т. Парсонс, – с ограниченным «разрешением» в различных видах поведения и типах выражения эмоций, которые запрещены в обычной ... жизни. Но это допустимость строго минимизирована...» [4, с. 426]. Таковой является молодежная субкультура, которая обладает чертами девиантности, но допускается в строго определенных ситуациях, например, на танцах.

Углубляясь в анализ вторичных институтов, Т. Парсонс излагает принципы технологии обращения с девиантным поведением, которые должна использовать система социального контроля. По мнению авторов, эти принципы актуальны для современной России. В качестве иллюстрации социолог рассматривает проблему существования азартных игр. С одной стороны,

азартные игры необходимы для представителей различных слоев как средство психологической разрядки: «...Поддержка азартных игр выполняет важные функции для широких слоев... как способ противодействия напряженности...» [4, с. 427]. В то же время чрезмерное распространение азартных игр может подорвать важные социальные ценности: «... Широкое допущение азарта могло бы поколебать поддержку данных ценностей также и в других значимых сферах» [4, с. 427]. Почему обществу не следует пытаться полностью ликвидировать некоторые формы девиантного поведения? Современник «сухого» закона, породившего опасные виды оргпреступности и коррупции, Т. Парсонс отчетливо представляет неэффективность жестких запретительных мер. «...Если эту отдушину совершенно закрыть, – справедливо отмечает он, – оно может дивергировать в другие более дисфункциональные каналы» [4, с. 427].

Чрезвычайная живучесть некоторых типов девиантного поведения, которые ограничивают «вторичные институты», объясняется их функциональностью для общества. Алкоголь, наркотики, азартные игры, проституция связаны с удовлетворением определенных психофизиологических потребностей представителей различных социальных слоев, а потому крайне устойчивы. Поэтому структурирование различных форм отклоняющегося поведения требует от системы социального контроля большой гибкости в выборе разрешительных и запретительных инструментов. «...Очевидно, – констатирует Т. Парсонс, – что поддерживается определенный баланс разрешений и ограничений» [4, с. 426].

Тем не менее далеко не всегда механизмы социального контроля в состоянии ограничивать чрезмерное распространение девиации. В подобных ситуациях, по мнению Т. Парсонса, создаются возможности для осуществления структурных преобразований социальных систем: «Тенденции структурированного девиантного поведения, с которыми не могут успешно справляться контрольные механизмы социальной системы, образуют один из основных источников изменений в структуре социальной системы» [4, с. 444]. Приведенная мысль перекликается с центральными положениями концепции самоорганизации, которая, как мы убедимся далее, демонстрирует похожую модель структурных преобразований системы.

Ряд важных идей, которые могут быть использованы для развития методик социального контроля, содержится в одной из современных социологических парадигм – социальной синергетике. Важной теоретической особенностью синергетики является обоснование позитивной роли хаоса в эволюции систем различной природы. Синергетическая теория хаоса включает в себя различные характеристики понятия «флуктуация». Можно выделить некоторые из них. Прежде всего отмечается огромное значение флуктуаций в образовании новых структур системы: «Возникновение макроструктур обусловлено рождением коллективных мод под воздействием флуктуаций, их конкуренции и, наконец, отбором наиболее приспособленной моды...» [6, с. 41]. Именно флуктуации являются источником возникновения более совершенной структуры системы. Особенно ощутимо влияние флуктуаций в переходные периоды развития системы, в точках бифуркации. «Именно в критических точках, то есть там, где система изменяет свое макроскопическое состояние, – отмечает Г. Хакен, – флуктуации играют решающую роль» [6, с. 73]. В такие периоды даже незначительные флуктуации могут приводить к непропорциональным последствиям. И. Пригожин писал: «Вместо того, чтобы оставаться малыми поправками к средним значениям, флуктуации существенно меняют средние значения» [5, с. 237]. В этом тезисе заключается одна из принципиальнейших особенностей концепции самоорганизации.

Теперь предлагается более подробно рассмотреть роль флуктуаций в процессах структурных преобразований. Первоначально флуктуация занимает какую-либо ограниченную область пространства системы и не может сразу изменить существующую структуру. При этом внешний по отношению к флуктуирующей области мир системы, еще не затронутый изменениями, стремится погасить флуктуацию. Исход этой борьбы может быть различным. И. Пригожин и И. Стенгерс утверждают: «В зависимости от того, лежат ли размеры начальной области флуктуации ниже или выше критического значения, флуктуация либо затухает, либо распространяется на всю систему» [5, с. 248]. Как видно из цитаты, устойчивость системы по отношению к флуктуациям зависит от жизнеспособности, эффективности ее структуры, в том числе системы социального контроля.

Если они не в состоянии противостоять флуктуациям, то их распространение приведет к закономерному и неизбежному качественному изменению системы.

Примерами социальных флуктуаций, по мнению авторов, могут выступать различные формы индивидуального и группового девиантного поведения. В самом общем виде и флуктуации, и девиации являются отклонениями от некоторого среднего состояния, нормы. Это различные виды уголовной преступности, в том числе правонарушения в экономической, управленческой, правовой и других сферах деятельности, а также алкоголизм, наркомания и др. Точнее, их можно назвать микрофлуктуациями. Если структура социальной системы оказывается не в состоянии поддерживать микроскопические флуктуации на допустимом для системы уровне, то они трансформируются в макроскопические. Примерами последних могут выступать: рост дисфункций социальных институтов, классовые конфликты, социально-экономические кризисы.

Здесь самое время вспомнить о специфике именно синергетического подхода к флуктуациям. Специфика состоит в том, что, в отличие от кибернетического подхода, синергетика основывается на принципе положительной обратной связи. В соответствии с ним флуктуации, возникающие в системе, не устраняются, а усиливаются, приводя к появлению новой структуры. Российские авторы, развивающие идеи социальной синергетики, утверждают, что данный принцип носит слишком абстрактный характер и не соответствует специфике социальных систем, в которых потенциально позитивные флуктуации нужно усиливать, а негативные – подавлять [3, с. 29]. Одни флуктуации (девиации) могут носить позитивный для функционирования общества характер и способствуют росту порядка. Это, например, появление более производительных экономических структур. Другие, наоборот, способствуют росту хаоса, как в случае распространения террористических организаций.

Однако прогрессивные инновации не возникают сами по себе. Структура системы, ее система социального контроля должны адекватно реагировать на флуктуации (девиации),

трансформируя их в функционально приемлемые для себя элементы. Следуя за И. Пригожиным и Г. Хакеном, можно согласиться, что способность зависит от информационного обмена как между флуктуирующей областью и внешним миром, так и между элементами системы.

Таким образом, авторам удалось выявить важную теоретико-методологическую преемственность между представителями известных общенаучных и социологических направлений XIX–XX веков в вопросах организации и функционирования системы социального контроля. Она выражается в ряде аналогичных выводов: 1) девиация неизбежна; 2) девиация неизбежна, поскольку функциональна; 3) некоторые формы девиации могут стать источниками функциональных инноваций; 4) для того, чтобы стать источником инноваций, определенные формы девиантного поведения должны ограничиваться, регулироваться, структурироваться системами социального контроля.

К сожалению, административные структуры современного российского общества, выполняющие функции социального контроля, работают неэффективно. Ситуации, связанные с широким распространением проституции, нелегальной эмиграции, наркомании, наглядно демонстрируют отсутствие современной, эффективной методологии организации принципов их деятельности. Поэтому применение вышеприведенных теоретических принципов на практике может, на взгляд авторов, существенно улучшить ситуацию с регуляцией некоторых форм девиации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – 368 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900. – 330 с.
3. Ельчанинов, М. С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики / М. С. Ельчанинов // Социс. – 2003. – № 8.
4. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проспект, 2002. – 832 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
6. Хакен, Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 245 с.